

~~СОВЕРСЕННО СЕКРЕТНО~~
~~РАССЕКРЕЧЕНО~~

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/

тов. С Т А Л И Н У

Направляю протокол допроса ЯГОДА Т.Г.
от 26-го апреля с.г.

Настоящие показания получены в результате продолжительных допросов, предъявления целого ряда уликовых данных и очных ставок с другими арестованными.

ЯГОДА до сего времени не дает развернутых показаний о своей антисоветской и предательской деятельности, отрицает свою связь с немцами и скрывает целый ряд участников заговора. Отрицает также свое участие в подготовке террористических актов над членами правительства, о чем показывают все другие участники - ЦАУКЕР, ВОЛОВИЧ, ГАЙ и др.

Следует однако отметить, что на последних допросах, под давлением улик, ЯГОДА все же вынужден был признать, что о связи с немцами и подготовке терактов некоторыми участниками заговора он был осведомлен.

Допрос продолжается.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНЕШНИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР

(Е Ж О В)

28
апреля 1937 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Я Г О Д Ы, Генриха Григорьевича,

от 26-го апреля 1937 года.

Заявление ЯГОДЫ: В продолжении долгих дней допросов я тщетно пытался скрыть свою преступную, изменническую деятельность против советской власти и партии. Я надеялся, что мой опыт работы в ЧК даст мне возможность либо совсем скрыть от следствия всю сумму моей предательской работы, либо, если это мне не удастся, свести дело к чисто уголовным и должностным преступлениям. Я надеялся также, что мои сообщники, в силу тех же причин, не выдадут следствию ни себя, ни тем более меня.

Но, как видно, все планы мои рухнули и поэтому я решил сдаться. Я расскажу о себе, о своих преступлениях все, как бы это ни тяжело мне было.

Вопрос: Почему тяжело?

Ответ: Потому что придется мне впервые в своей жизни сказать правду о себе лично.

Всю свою жизнь я ходил в маске, выдавал себя за непримиримого большевика. На самом деле большевиком, в его действительном понимании, я никогда не был. Мелко-буржуазное мое происхождение, отсутствие теоретической подготовки, - все это, с самого начала организации советской власти, создало у меня неверие в окончательную победу дела партии.

Но собственного мировоззрения у меня не было, не было и собственной программы. Преобладали во мне начала карьеристические, а карьеру свою надо было строить, исходя из реальной обстановки. Какова была эта обстановка?

Советская власть существовала, укреплялась, я оказался в аппарате б. ОГПУ и поэтому я вынужден был исходить именно из этих конкретных факторов.

Взбираясь по иерархической лестнице, я в 1926 году дошел до Зам.пред. ОГПУ. С этого момента и начинаются мои первые попытки игры на "большой политике", мои представления о себе, как о человеке, который сумеет влиять на политику партии и видоизменять ее.

Это было после смерти ДЗЕРЖИНСКОГО, в период открытой борьбы троцкистов с партией.

Я не разделял взглядов и программы троцкистов, но я все же очень внимательно приглядывался к ходу борьбы, заранее определив для себя, что пристану к той стороне, которая победит в этой борьбе. Отсюда и та особая линия, которую я проводил в то время в борьбе с троцкизмом.

Вопрос: В чем конкретно выражалась эта ваша особая линия в борьбе с троцкизмом?

Ответ: Когда начались репрессии против троцкистов, вопрос о том, кто победит (троцкисты или ЦК ВКП(б)) окончательно еще не был решен. Во всяком случае, так думал я. Поэтому, я, как Зам.пред. ОГПУ в карательной политике исходил из того, чтобы не

озлоблять против себя троцкистов. Направляя троцкистов в ссылку, я создавал им там такие условия, при которых они могли бы продолжать там свою деятельность и не чувствовали бы себя осужденными.

Само-собой разумеется, что когда полностью определилась победа партии над троцкизмом, когда партия пошла за Центральным Комитетом, за СТАЛИНЫМ, я тоже поспешил показать себя, как непоколебимого сторонника ЦК, оставаясь, конечно, на своих прежних позициях неверия в победу линии ЦК, оставаясь для ЦК в непроницаемой своей маске.

Если в какой-либо мере применим ко мне термин двурушника, то я являюсь ярким образцом его, пожалуй, даже пионером двурушничества.

Вопрос: Ваша линия по отношению к троцкистам была вам продиктована со стороны троцкистской организации?

Ответ: Нет, я в данном случае действовал самостоятельно, по собственной инициативе. Выше я объяснил какими мотивами я руководствовался.

Иначе обстояло дело, когда на арену борьбы с партией выступили правые. Здесь моя роль была более определенной: с правыми я был организационно связан.

Вопрос: Но нам еще не совсем ясен вопрос о ваших взаимоотношениях с троцкистами. Организационные связи с троцкистами у вас были?

Ответ: В тот период не было. Они возникли значительно позже, когда троцкисты вошли в блок с правыми.

Вопрос: Об этом мы поговорим в дальнейшем. Вы собирались рассказать о ваших связях с правыми.

Ответ: Да. Я говорил, что с правыми у меня были организационные связи. Начало этим связям было положено в моих личных взаимоотношениях с РЫКОВЫМ, бывшим тогда Председателем Совета Народных Комиссаров.

Как Зампред ОГПУ, я часто встречался с РЫКОВЫМ, сначала на заседаниях, а затем и дома у него. Относился он ко мне хорошо, и это мне льстило и импонировало.

Личные отношения у меня были также с БУХАРИНЫМ, ТОМСКИМ и УГЛАНОВЫМ. (Я был тогда членом Бюро МК, а УГЛАНОВ - секретарем МК).

Когда правые готовились к выступлению против партии, я имел по этому поводу несколько бесед с РЫКОВЫМ.

Вопрос: Где, когда, какого характера беседы?

Ответ: Это было в 1928 году, у РЫКОВА в кабинете. О характере этого разговора у меня в памяти сохранилось, что речь шла о каких-то конкретных расхождениях у РЫКОВА, БУХАРИНА, ТОМСКОГО с Политбюро ЦК по вопросам вывоза золота и продажи хлеба. РЫКОВ говорил мне, что СТАЛИН ведет неправильную линию не только в этих вопросах. Это был первый разговор, носивший скорее характер прощупывания и подготовки меня к более откровенным разговорам.

Вскоре после этого у меня был еще один разговор с РЫКОВЫМ. На сей раз более прямой. РЫКОВ изложил мне программу правых, говорил о том, что они выступают с открытой борьбой против ЦК и прямо поставил мне вопрос с кем я.

Вопрос: Что вы на это ответили РЫКОВУ?

Ответ: Я сказал РЫКОВУ следующее: "Я с Вами, я за Вас, но в силу того, что я занимаю положение Зампреда ОГПУ, открыто выступать на Вашей стороне я не могу и не буду. О том, что я с Вами, пусть никто не знает, а я, всем возможным с моей стороны, со стороны ОГПУ, - помогу Вам в Вашей борьбе против ЦК".

Вопрос: Значит в 1928 году вы примкнули к правым и скрывали это от партии?

Ответ: Да.

Вопрос: В 1928 году правые открыто выступали против партии. Почему вы, являясь правым, открыто не выступали, а конспирировали свое участие в организации правых?

Ответ: Это вытекало из всей моей линии поведения.

Дело складывалось таким образом: с одной стороны, беседы РЫКОВА со мною определили мои личные симпатии к программе правых. С другой стороны, из того, что РЫКОВ говорил мне о правых, о том, что кроме него, БУХАРИНА, ТОМСКОГО, УГЛАНОВА на стороне правых вся московская организация, ленинградская организация, профсоюзы, из всего этого у меня создалось впечатление, что правые могут победить в борьбе с ЦК. А так как тогда уже ставился вопрос о смене руководства партии и советской власти, об отстранении СТАЛИНА, то ясно было, что правые идут к власти.

Именно потому, что правые рисовались мне, как реальная сила, я заявил РЫКОВУ, что я с ними.

Вопрос: Вы не ответили на вопрос, почему вы конспирировали свое участие в организации правых?

Ответ: Я был Зампредом ОГПУ. Если бы я открыто заявил о своих связях с правыми, я был бы отстранен от работы. Это я понимал. Про себя я соображал таким образом: "а вдруг правые не победят. Я, сохраняя в тайне свою принадлежность к ним, остаюсь на своем месте". Поэтому я и договорился с РЫКОВЫМ об особом моем положении среди правых.

Вопрос: Только ли этими соображениями вы руководствовались, оставаясь законспирированным правым?

Ответ: Нет, не только этим. Были у меня и другие соображения. Мне совершенно ясно было, что отношение ко мне лидеров правых определяется не удельным политическим весом моим в партии и в стране (веса такого у меня вообще не было), а моим положением, как Зампреда ОГПУ. Окажись я вне ОГПУ, не Зампредом, никакого интереса я для правых не представлял бы и мое положение, в случае их победы, оказалось бы ничтожным.

Но, оставаясь Зампредом ОГПУ, я нужен был правым, мог быть им полезен. Это хорошо понимал и РЫКОВ. Таким образом, хотя по разным соображениям, но мы оба согласились на том, что я открыто с правыми не выступаю.

Вопрос: Какова же была ваша роль в организации правых? Как складывались ваши взаимоотношения с их лидерами?

Ответ: В 1928-29 г.г. я продолжал встречаться с РЫКОВЫМ. Я снабжал его, по его просьбе, секретными материалами ОГПУ

о положении в деревне. В материалах этих я особо выделял настроения кулачества (в связи с чрезвычайными мерами), выдавал их за общие настроения крестьянства в целом. РЫКОВ говорил, что материалы эти они - правые - используют, как аргументацию, в их борьбе с ЦК.

В 1928 году я присутствовал на совещании правых в квартире ТОМСКОГО. Там были лидеры правых и кажется УГЛАНОВ и КОТОВ. Были общие разговоры о неправильной политике ЦК. Конкретно, что именно говорилось я не помню.

Помню еще совещание на квартире у РЫКОВА, на котором присутствовали, кроме меня и РЫКОВА, еще Вася МИХАЙЛОВ и, кажется, НЕСТЕРОВ. Я сидел с РЫКОВЫМ на диване и мы беседовали о гибельной политике ЦК, особенно в вопросах сельского хозяйства. Я говорил тогда РЫКОВУ, что все это верно и сослался на материалы ОГПУ, подтверждающие его выводы.

В 1929 году ко мне в ОГПУ приходил БУХАРИН и требовал от меня материалов о положении в деревне и о крестьянских восстаниях. Я ему давал. Когда я узнал, что ТРИЛИСЕР также однажды дал БУХАРИНУ какие-то материалы, я выразил ТРИЛИСЕРУ свое отрицательное отношение к этому факту. В данном случае мне нужно было монополизировать за собой снабжение правых документами, поставить их в некоторую зависимость от себя.

Вопрос: А кроме участия на перечисленных вами совещаниях лидеров правых и снабжения их тенденциозно-подобранными материалами ОГПУ, чем конкретно вы помогали правым? Вы же обещали им помощь со стороны аппарата ОГПУ?

- 8 -

Ответ: На том отрезке времени -1928 г., середине 1929 г., когда правые вели открытую борьбу против партии, от меня больше и не требовалось.

Иное положение·создалось, когда выяснилось, что в открытой борьбе правые потерпели поражение, когда тактика правых приняла характер нелегальной борьбы с партией. Тут и мое положение должно было измениться.

Во-первых, я договорился с РЫКОВЫМ об особой своей законспирированности, о прекращении взаимных посещений и встреч.

Во-вторых, коль скоро речь шла о нелегальной работе правых, естественно повлекшей за собой репрессии, моя помощь правым уже не могла ограничиться информацией.

На меня центром правых была возложена задача ограждения организации от полного провала. В разговоре с РЫКОВЫМ на эту тему, я так определил свое положение: "Вы действуйте. Я Вас трогать не буду. Но если где-нибудь прорвется, если я вынужден буду пойти на репрессии, я буду стараться дела по правым сводить к локальным группам, не буду вскрывать организацию в целом, тем более не буду трогать центр организации."

Вопрос: Когда у вас был этот разговор с РЫКОВЫМ?

Ответ: Точно не помню. Кажется в конце 1929, или в начале 1930 года .

Вопрос: Вы показали, что после перехода организации правых к нелегальным методам борьбы против партии, ваша роль как участника организации правых, активизировалась и, как вы договорились с РЫКОВЫМ, она сводилась к ограждению организации от провала.

- 9 -

Как вы проводили эту свою предательскую линию в ОГПУ-НКВД?

Ответ: Оградить организацию правых от провала, в условиях их возраставшей активности и перехода к нелегальной борьбе с партией, мне самому было трудно.

Мне было ясно, что если в аппарате ОГПУ, в особенности в секретном отделе, не будет своего человека, то, вопреки моему желанию, организация правых может быть провалена. С этой целью мною и был назначен осенью 1931 года начальником Секретного отдела МОЛЧАНОВ.

Вопрос: Почему именно МОЛЧАНОВ?

Ответ: По двум причинам:

1. О МОЛЧАНОВЕ - нач.Ивановского Губотдела ГПУ мне было известно, что он связан с правыми, в частности с КОЛОТИЛОВЫМ, бывшим тогда секретарем Ивановского губкома ВКП(б);

2. МОЛЧАНОВ был лично мне преданным человеком, был в моих руках, и я смело мог располагать им.

Вопрос: Откуда вы знали, что МОЛЧАНОВ правый?

Ответ: Об этом мне сам сказал МОЛЧАНОВ, не помню в каком году, то ли в 1929, или в 1930.

Он как-то приехал из Иванова, зашел ко мне в кабинет и рассказал, что в Иванове имеется группа правых, возглавляемая КОЛОТИЛОВЫМ, что КОЛОТИЛОВ ведет с ним специфические для правых разговоры о неправильности линии ЦК, о гибельности такой линии для страны. МОЛЧАНОВ просил моего совета, как ему поступить.

- 10 -

Из того, как он мне излагал правые взгляды КОЛОСТИЛОВА, я почувствовал, что и он сам стоит на точке зрения правых и прямо его спросил, как он лично расценивает позиции правых. МОЛЧАНОВ мне откровенно заявил, что он разделяет их взгляды.

Вопрос: Чем объяснить, что начальник Губотдела ГПУ не побоялся изложить вам - Зампреду ОГПУ свои контр-революционные правые взгляды. Он что, знал о вашей принадлежности к правым?

Ответ: Для того, чтобы ясна была причина его откровенности со мною, я должен рассказать об одном эпизоде, имевшем место до этого разговора с МОЛЧАНОВЫМ.

Примерно, в году 1927 ко мне поступили материалы, компрометирующие МОЛЧАНОВА. Речь шла о каких-то его уголовных преступлениях где-то на Кавказе. Я вызвал его из Иваново, сказал ему об этих материалах. МОЛЧАНОВ тогда же признал за собою эти грехи в прошлом и, уже в порядке исповеди, рассказал еще об одном своем грехе - о приписке себе партстажа.

Я сказал, что нуждаюсь в лично мне преданных людях, что судьба его отныне в моих руках, но если он будет выполнять всякие мои указания, то я материалам о нем ходу не дам, а он может продолжать свою работу в Иваново в той же должности.

Вопрос: То-есть, говоря прямо, вы МОЛЧАНОВА завербовали на имевшихся у вас на него компрометирующих материалах, причем завербовали для своих преступных, контр-революционных целей?

Ответ: Да, фактически я его завербовал, причем в момент вербовки я еще не знал как конкретно в дальнейшем его использую.

- II -

Вопрос: Чем же закончилась тогда эта вербовка МОЛЧАНОВА?

Ответ: Он мое предложение охотно принял и уехал обратно в Иваново.

Теперь вам несомненно ясна причина откровенности МОЛЧАНОВА и то, что он не побоялся рассказать мне о своих правых взглядах и о своей связи с Ивановской организацией правых.

Вопрос: Какие указания вы дали МОЛЧАНОВУ, когда он вам сообщил о своей связи с правыми?

Ответ: Тогда я МОЛЧАНОВУ о том, что я сам являюсь правым не говорил, но предложил ему во всем поддерживать в Иванове линию КОЛОШИЛОВА.

Вопрос: Как же все-таки МОЛЧАНОВ был назначен начальником Секретно-Политического отдела?

Ответ: Разрешите мне некоторое отступление.

Общезвестно, что 1931 год был чреват наибольшими трудностями в стране. Общеизвестно также, что в 1931 году возрасла активность всех контр-революционных элементов в стране. На фоне этих трудностей активизировалась и нелегальная работа правых. Это было мне известно, как по материалам ОГПУ, так и из личных встреч с лидерами правых.

В 1931 году впервые стал вопрос о блоке между правыми, троцкистами и зиновьевцами, на основе борьбы за свержение советской власти методами террора против руководителей партии и массовыми восстаниями.

В связи с этим, я однажды (это было летом 1931 г.) был приглашен в Болшево на дачу к ТОМСКОМУ. Там я застал также Фому

(А.П. СМЕРНОВА).

ТОМСКИЙ начал свой разговор с общей оценки положения в стране, говорил о политике ЦК, ведущей страну к гибели, говорил, что мы - правые - не имеем никакого права оставаться в роли простых наблюдателей, что момент требует от нас активных действий.

Меня, естественно, интересовали реальные планы и возможности борьбы, и я так и поставил вопрос.

Присутствовавший Фома рассказывал мне о намечающемся блоке с троцкистами и зиновьевцами, говорил о наличии довольно широко разветвленных групп организации в ряде городов Союза и в целом очень оптимистически охарактеризовал перспективы борьбы с партией.

Надо признать, что и мне эти перспективы тогда рисовались также в оптимистических тонах.

Вопрос: Почему вы поехали к ТОМСКОМУ? Вы ведь уславливались с РЫКОВЫМ об особой вашей законспирированности, исключающей всякие встречи с лидерами правых?

Ответ: Тут свою роль сыграли два фактора:

Во-первых, переживаемые страной трудности и возможность, как мне казалось, в связи с этим, прихода к власти правых. Поэтому мне нужно было проявить некоторую активность и подчеркнуть свою солидарность с ними.

Во-вторых, мое положение в ОГПУ в то время, до некоторой степени, пошатнулось. Это было в период работы в ОГПУ АКУЛОВА. Я был обижен и искал помощи у правых.

Вопрос: Все же ответьте, как произошло назначение МОЛЧАНОВА начальником СПО?

Ответ: Вот на этом-то совещании у ТОМСКОГО и был поднят вопрос о необходимости принять меры к тому, чтобы не провалить работу правых, чтобы обеспечить им со стороны ОГПУ полную возможность разворота их деятельности на новой, значительно расширенной и активизирующейся основе.

Стал вопрос о том, смогу ли я это сделать. Я ответил, что мне одному это трудно, что лучше всего было бы посадить на Секретный отдел своего человека.

И вот, не-то ТОМСКИЙ, не-то ФОМА сказал, что начальник Ивановского Губотдела ГПУ МОЛЧАНОВ известен им как правый, и его именно не мешало бы посадить начальником Секретного отдела.

Это предложение я принял и МОЛЧАНОВ был назначен начальником СПО ОГПУ.

Вопрос: Значит назначение МОЛЧАНОВА начальником Секретно-Политического отдела состоялось по решению центра организации правых?

Ответ: Да, так именно оно и было.

Технически это было оформлено просто: я вызвал из Иванова МОЛЧАНОВА, сообщил ему о принятии организацией решения о назначении его в Москву начальником Секретного отдела, предупредил его, что он будет вызван БУЛАТОВЫМ для переговоров по этому вопросу, чтобы он свое согласие дал, ни слова не говоря о разговоре со мною. А на практиковавшихся тогда совещаниях зампредов у МЕНШИНСКОГО я выдвинул кандидатуру МОЛЧАНОВА на должность

нач. Секретного отдела. Кандидатура МОЛЧАНОВА возражений не встретила и он был назначен.

Вопрос: Следовательно, и МОЛЧАНОВ знал, что он назначен начальником СПО ОГПУ решением центра правых?

Ответ: Да, я ему об этом говорил. В дальнейшем я сговорился с МОЛЧАНОВЫМ о тактике нашей работы в ОГПУ.

Вопрос: О тактике предательства?

Ответ: Да. О тактике, которая заключалась в покрывательстве контр-революционной деятельности правых, троцкистов и зиновьевцев.

Я думаю, что не стоит здесь перечислять все факты, связанные с моей и МОЛЧАНОВА предательской линией, - они теперь известны всей партии, да вряд ли все и вспомнишь.

Известно, конечно, что если бы не наша предательская работа в НКВД, - центры зиновьевцев, троцкистов и правых были бы вскрыты в период их зарождения - в 1931-32 г.г.

Агентурные материалы об их контр-революционной деятельности поступали со всех концов Советского Союза во все годы.

Мы шли на удары по этим организациям только тогда, когда дальнейшее их покрывательство грозило провалом нас самих. Так было с Рютинской группой, которую мы вынуждены были ликвидировать, потому что материалы попали в ЦК; так было с бухаринской "школкой", ликвидация которой началась в Новосибирске и дело о которой мы забрали в Москву лишь для того, чтобы здесь его свернуть; так было с троцкистской группой И.Н.СМИРНОВА и в конце-кон-

- 15 -

цов так продолжалось даже и после убийства КИРОВА.

Надо признать, что даже в таких случаях, когда мы шли на вынужденную ликвидацию отдельных провалившихся групп организаций, как правых, так и троцкистов и зиновьевцев, я и МОЛЧАНОВ, по моему указанию, принимали все меры к тому, чтобы изобразить эти группы организаций локальными, и в особенности старались скрыть действующие центры организаций.

Вопрос: К системе вашей предательской работы и к отдельным фактам предательства мы еще вернемся. Вы выше признали, что если бы не ваша и МОЛЧАНОВА предательская роль в системе ОПУ-НКВД, то центры организаций правых, троцкистов и зиновьевцев, вернее говоря, центры блока этих организаций можно было свое- временно ликвидировать.

Ответ: Да, это несомненно так.

Вопрос: Значит и убийство тов. КИРОВА могло быть предотвращено?

Ответ: Безусловно.

Вопрос: И вы это не сделали?

Ответ: Нет.

Вопрос: Значит, вы являетесь соучастником этого злодей- ского убийства?

Ответ: Нет, я этого не могу признать.

Вопрос: У вас материалы о действующих террористических центрах были?

Ответ: Были.

Вопрос: КИРОВ был убит ими?

Ответ: Ими.

Вопрос: Вы покрывали деятельность этих террористических центров?

Ответ: Покрывал.

Вопрос: Как же вы смаете отрицать свое участие в злодейском убийстве тов. КИРОВА?

Ответ: Я не являлся соучастником этого убийства, но несомненно должен ответить за то, что не предотвратил убийства КИРОВА.

Вопрос: Вопреки тому, что имели все возможности для предотвращения этого убийства?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы являлись участником организации правых, а к моменту убийства тов. КИРОВА и участником блока террористических организаций. Вы сознательно покрывали подготовку убийства тов. КИРОВА?

Ответ: Вы должны понять, что в мои личные планы, как Народного Комиссара Внутренних Дел, не могли входить такие разрозненные акты, как убийство КИРОВА.

Я же хорошо понимал, что такие акты могут привести, если не к полному моему провалу, как участника организации правых, то во всяком случае к моей ответственности, как Наркома, ведающего охраной членов правительства. Тут ничего, кроме проигрыша, для меня лично не могло выйти, а как раз к этому периоду мои личные

планы шли довольно далеко и не совсем совпадали с планами блока.

Вопрос: Каковы были эти ваши личные планы?

Ответ: В 1932 году был окончательно оформлен блок троцкистов, зиновьевцев и правых. Вместе они, на мой взгляд, представляли собой довольно внушительную силу. В среде организации правых зрела мысль о дворцовом перевороте. Я лично в эти планы правыми не был посвящен. И мне было понятно почему: коль скоро речь шла о дворцовом перевороте, то здесь они могли обойтись и без меня. Охрана Кремля тогда была не в моих руках.

Мне казалось, что ежели им удастся прийти к власти, меня могут обойти. Некоторое недоверие они ко мне всегда питали, да и я сам не особенно доверял им.

Наряду с этим, мне - Зампреду ОПТУ, имевшему всестороннюю информацию, было видно, что соотношение сил в стране еще не таково, что можно рассчитывать на полный успех заговора против советской власти тогда - в 1932-33 г.г.

Но в дальнейшем агрессивность заговорщиков росла прямо пропорционально победам партии. Не исключена была возможность их успеха. И вот, чтобы не оказаться в дураках, я пришел к выводу о необходимости застраховать себя на случай удачи заговора правых и троцкистов и заставить их считаться со мною, как с реальной силой. И тогда я приступил к организации параллельного заговора против советской власти в аппарате ОПТУ-НКВД.

Вопрос: Порвав с правыми?

Ответ: Как сказать, - и да, и нет. Да, потому, что от правых я скрывал эти свои планы; нет - потому, что продолжал им помогать.

Вот тут-то и проявилась двойственность моего положения, красной нитью проходившая во всей моей политической деятельности.

Вопрос: Какая тут двойственность. О какой двойственности вы говорите? Вы являлись врагом советской власти, предателем внутри партии.

Ответ: Я говорю о двойственности моего собственного положения в организации правых. Я уже говорил выше, что боялся, что они могут, придя к власти, попросту выгнать меня и именно поэтому я организовал параллельный заговор.

Вопрос: Вы говорите, что создали заговор против советской власти внутри аппарата ОГПУ-НКВД. Вы значит имели сообщников среди чекистов?

Ответ: Конечно, имел.

Вопрос: Кого?

Ответ: О МОЛЧАНОВЕ я же вам говорил, он был мною завербован давно. Кроме него, участниками организованного мною заговора против советской власти являлись:

1. ПРОКОФЬЕВ	- Зам. Наркома Внутренних Дел.
2. ПАУКЕР	- Начальник Оперода.
3. ВОЛОВИЧ	- Зам. Нач. Оперода.
4. Г А Й	- Нач. Особого Отдела.
5. БУЛАНОВ	- Секретарь НКВД.
6. ШАНИН	- Нач. Транспортного отдела.
7. ОСТРОВСКИЙ	- Нач. Админ.-Хоз. Управления.

Вопрос: Это все?

Ответ: Как непосредственные участники заговора, - все. Все они были посвящены в планы и цели заговора и выполняли, по моему поручению, задания, связанные с подготовкой заговора.

Кроме перечисленных, были еще некоторые люди, лично мне преданные, выполнявшие отдельные мои преступные поручения, но не посвященные в план заговора.

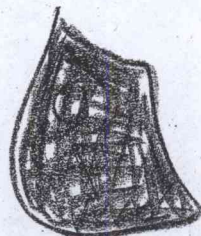
Вопрос: Кто эти люди, назовите их?

Ответ: К ним относятся:

1. <u>ЛУРЬЕ</u>	- Нач. Инженерно-Строительного Отдела НКВД
2. <u>ИВАНОВ</u>	- Пом. секретаря НКВД.
3. <u>ВИНЕЦКИЙ</u>	- Сотрудник Опероца.
4. <u>ПАКАЛИН</u>	- Нач. отд-ния Админ.-Хоз. Упр. НКВД.
5. <u>ЧЕРТОК</u>	- Пом. Нач. ЭКО.
6. <u>ПОГРЕБИНСКИЙ</u>	- Нач. УНКВД в Горьковском крае.

Вопрос: Вы скрываете участников вашего заговора против советской власти. Вы не всех выдаете.

Ответ: Какой мне смысл теперь скрывать отдельных участников заговора? Они мне больше ни к чему. Может быть я упустил из памяти некоторых лиц, которые в план заговора посвящены не были, но которые, так или иначе, входили в мои расчеты, на случай практического выполнения заговора. Сейчас я их вспомнить не могу. Я прошу разрешить вернуться к этому вопросу на следующем допросе - я к тому времени постараюсь вспомнить.

Вопрос: Вы возглавляли контр-революционный заговор против советского государства, реально предполагая и готовя захват власти в свои руки. Не может быть, чтобы ограничились только тем составом участников заговора, который вами назван. Мы требуем выдачи всех ваших сообщников.

Ответ: Я действительно являюсь организатором заговора против советской власти и именно потому, что я реально его готовил, я не мог пойти на вовлечение в это преступное дело широкого состава участников заговора. Я ведь все же был чекистом...

Вопрос: Предателем вы были, а не чекистом!

Ответ: ... Предателем, но в чекистских рядах. Я больше других понимал и опасался провала.

Вопрос: Как же вы пошли на вербовку хотя бы того небольшого, сравнительно, количества людей из чекистов, которых вы называли?

Ответ: Вербовка каждого из них имеет свою историю: она тщательно подготавливалась и на откровенный разговор я шел только тогда, когда мои шансы на успех вербовки были несомненны. Вы это видели на примере вербовки МОЛЧАНОВА.

Вопрос: Как конкретно были завербованы ваши соучастники?

Ответ: Тут надо сказать несколько слов о той системе воспитания непосредственно соприкасающихся со мной работников ОГПУ-НКВД, которую я проводил в течение многих лет. Она своди -

лась, в первую очередь, к тому, что я подчинял людей своему личному влиянию. В отношении большинства - мне, как руководителю аппарата - это удавалось. Добившись этого, я переходил на другую ступень: я внушал людям отчужденность от партии, вырашивал в их сознании идею, что государственная разведка должна в политике играть самостоятельную от правительства и от партии - роль. Я ссылался при этом на опыт буржуазных государств и доказывал, что правительства этих стран меняются - разведка же остается неизменной всегда.

Вполне понятно, что говорил я это не всегда прямо и не всем, но в завуалированной форме - высказывал часто. Прикрытием мне служили, в этих целях, так называемые, чекистские традиции, которым я придал антипартийный характер. Ссылка, или вернее спекуляция на них, служила мне дополнительной гарантией от возможности провала, ибо составной частью этих пресловутых традиций была кастовость. В ходу у меня была поговорка "не выносить сор и избы".

Таковы были общие условия, которые сами по себе были мною установлены и которые способствовали моим заговорщическим целям, в первую очередь - целям вербовки в этих условиях людей внутри аппарата ОГПУ-НКВД.

Вопрос: Но вы, надо полагать, вербовали людей для заговора индивидуально каждого и в определенных целях.

Вот об этом вы ничего не сказали.

Ответ: Перехожу к этому. При индивидуальных вербовках я исходил, в первую очередь, из того, чтобы во главе ведущих от-

делов ОГПУ-НКВД стояли мои люди, мне преданные, нужные мне для практического выполнения заговора и обеспечивающие меня от провала.

1. МОЛЧАНОВ. - Он был начальником Секретно-Политического отдела. Как он был вовлечен в заговор я уже говорил. Он страховал меня от возможности провала тем, что по моим указаниям тормозил вскрытие организации правых, "тушил" отдельные провалы этой организации и докладывал мне о деятельности троцкистов, виновьевцев и правых. По его докладам, я все время внимательно следили за нарастанием или ослаблением их активности и в связи с этим строил свои планы.

2. ПРОКОФЬЕВ. - Он был моим заместителем. Был близким мне человеком. Наблюдал я за ним давно. Знал, что он человек глубоко антипартийный. Ходил когда-то в троцкистах. В разговорах с ним на общеполитические темы - он всегда поддакивал моим, осторожно пущенным, критическим замечаниям. Его я завербовал, когда он, после его работы в РКИ, возвращался в органы ОГПУ, кажется это было в 1932 г. Посвящен он был постепенно во все. Имел он своих людей, которых сам вербовал.

3. ПАУКЕР. - Его вербовка имела, конечно, первостепенное значение. Он был начальником Оперода. Непосредственно ведал охраной членов правительства. На него, на случай конкретного выполнения заговора падала основная работа: обеспечения ареста членов правительства. Это был наиболее близкий мне человек и наиболее преданный.

4. ГАЙ. - Он был начальником Особого Отдела. Окончательно разложившийся и преступный человек. Сифилитик. Он был близок

с ПРОКОФЬЕВЫМ и завербован он был мною по его совету. Он содействовал мне в сокрытии следов шпионской деятельности некоторых работников ОГПУ-НКВД, о которых я скажу ниже. В плане заговора ему отведена была роль наблюдения и связи с военными из РККА, к отбору из их состава людей, которых можно будет использовать в заговорщических целях.

Он легко это мог выполнять, потому что будучи начальником Особого отдела он знал настроения разных военных работников.

Окончательно он был завербован в 1934 году (или в начале 1935 г.). Был введен в курс моих планов и выполнял мои поручения.

5. ВОЛОВИЧ. - Заместитель начальника Оперода. Его я завербовал следующим образом. В 1931 г., ВОЛОВИЧ, бывший тогда нач. отделения ИНО (он был до этого нашим резидентом во Франции) зашел ко мне в кабинет и рассказал, что он завербован германской разведкой. Тогда он говорил мне, что ничего для них еще не сделал. Я предупредил его, что покрою этот его предательский акт, если он будет впредь выполнять все мои поручения. ВОЛОВИЧ согласился. Он был после этого переведен заместителем к ПАУКЕРУ и вел там технику. Его я использовал в плане организации для меня возможности подслушивания правительственных переговоров по телефону. А впоследствии я ВОЛОВИЧА использовал значительно шире, по выполнению специальных заданий.

6. БУЛАНОВ. - Он был у меня на особо секретных поручениях. У него хранился мой нелегальный валютный фонд, который был мною создан, в целях финансирования контр-революционной моей деятельности, в целях "покупки" нужных мне людей. БУЛАНОВ был наиболее

- 24 -

доверенным у меня человеком, знал о всех моих планах и кроме того помогал мне и в чисто уголовных моих делах.

7. ШАНИН. - Был лично мною завербован, когда он еще являлся моим секретарем. У него впервые хранился мой валютный фонд. Впоследствии я ввел его в курс моих заговорщических планов.

8. ОСТРОВСКИЙ. - Его я завербовал, примерно в 1934 году. Попался он мне на каких-то уголовных делах и я вовлек его в свои собственные уголовные дела. Выполнял он отдельные мои поручения, по связи с нужными людьми и по уголовным моим делам.

Вопрос: Целый ряд вопросов, которых вы коснулись выше, требуют уточнения и детализации. Мы к ним вернемся впоследствии. Сейчас нас интересуют ваши планы заговора.

Как конкретно вы мыслили себе его осуществление?

Ответ: Было несколько вариантов. Один из них заключался в том, что когда организация правых, совместно с блоком троцкистов и зиновьевцев будет готова к захвату власти, они должны были дать мне об этом знать и я осуществил бы это технически. Для этого имелся в виду арест моими силами членов советского правительства и руководителей партии и создание нового правительства из состава заговорщиков, преимущественно из правых. В 1935 г. это было вполне реально: охрана Кремля, его гарнизон был в моих руках и я мог бы это совершить. В этом направлении мною были приняты и соответствующие меры.

Вопрос: В чем они заключались?

Ответ: Я дал указание ПАУКЕРУ приближать к себе командный состав Кремлевского гарнизона. Я сам вызывал ряд командиров к

себе. Так как комендантом Кремля был ТКАЛУН, не наш человек, назначенный Наркоматом Обороны, я пытался его также приблизить к себе. В отношении его ПАУКЕР также имел указания обхаживать его, приручить его к нам. И ПАУКЕР это делал, правда не совсем умело, так как у них часто бывали стычки. Если бы не удалось ТКАЛУНА завербовать, его легко было бы в нужный момент локализовать, убрать.

Вопрос: ^{вам} ТКАЛУНА удалось завербовать?

Ответ: Нет. Но это имелось в виду в дальнейшем. Кроме указанных мероприятий в отношении Кремлевского гарнизона, я приказал ПАУКЕРУ отобрать 20-30 человек из особо преданных ему и мне людей в аппарате Оперода, тренировать их в ловкости и в силе и, не вводя их в курс дела, держать про запас.

Вопрос: Для каких целей?

Ответ: Я имел в виду использовать их в момент выполнения нами переворота, для непосредственного ареста членов правительства. ПАУКЕР докладывал мне, что людей таких он частично отобрал и с ними работает.

Вопрос: Кто эти люди? Назовите их?

Ответ: Я лично фамилии их не знаю. Это надо будет спросить ПАУКЕРА. Я хочу только предупредить вас, что люди эти никакого представления не имеют о целях и задачах, которые перед ними могли быть поставлены. Во всяком случае, ПАУКЕР мне не говорил, что он посвящал их в это.

Вопрос: Вы заявили, что у вас было несколько вариантов осуществления заговора. Вы называли пока один из них.

Каковы остальные варианты?

Ответ: Другой вариант, менее четкий, который явился результатом начавшегося разгрома троцкистско-зиновьевского блока и правых после убийства КИРОВА.

Убийство КИРОВА, о конкретной подготовке которого я не знал, вызвало ко мне естественную настороженность в ЦК. Я был поставлен под контроль ЕЖОВА, который нажимал на меня и требовал полного разгрома организации троцкистов, зиновьевцев и правых. Я боялся идти на это потому, во-первых, что не хотел лишиться себя широкой базы для осуществления заговора и, во-вторых, потому, что я боялся в связи с этим собственного провала.

Все, что я и мои сообщники (в первую очередь МОЛЧАНОВ) могли делать для торможения дела ликвидации этих организаций - мы делали. Но это не удавалось: ЕЖОВ нажимал и мы вынуждены были идти на дальнейший разворот дела, на дальнейшую ликвидацию.

Это был период 1935-1936 г.г., когда перспектива военной опасности была очень реальна и близка.

Так вот второй вариант нашего заговора был связан с этими перспективами близости войны.

Вопрос: В чем конкретно заключался ваш второй вариант захвата власти на случай войны?

Ответ: Если в первом варианте речь шла об осуществлении заговора совместно с правыми и по их инициативе, то второй вариант, как я уже показал, был вызван фактически совершившим-

- 27 -

ся под нажимом ЦК разгромом сил блока троцкистов, зиновьевцев и правых, которые таким образом выпадали из моей игры и тут-то совершилась моя переориентировка на немцев, как на реальную силу.

Мне казалось, что на случай войны СССР с Германией и Японией советскому правительству придется столкнуться не только с военной силой своих противников, но и с крестьянскими восстаниями у себя в тылу. На фоне этого будут активизироваться контрреволюционные организации и в первую очередь троцкисты, зиновьевцы и правые. Поражение СССР в войне, мне казалось возможным. А поражение неизбежно влекло бы за собой и перемену правительства, состав которого был бы продиктован победителями, в данном случае Германией. Вот почему, желая себя застраховать и играть определенную роль и в будущем правительстве, я имел в виду наладить контакт с германскими правительственными кругами.

Вопрос: Вы не только думали наладить контакт, но фактически уже установили его?

Ответ: Нет, личных связей с немцами у меня не было, но возможно, что немцы знали о моих планах.

Вопрос: Каким путем?

Ответ: Через ВОЛОВИЧА, связанного с германской разведкой. Кроме того, о необходимости ориентироваться на немцев намекал мне РАДЕН.

Вопрос: Когда и где вы говорили по этому поводу с РАДЕНОМ?

Ответ: Он приходил ко мне летом 1936 года.

Вопрос: Зачем он к вам приходил?

Ответ: РАДЕК пришел ко мне в момент разворота операции по троцкистам и спросил меня, насколько я далеко пойду в ликвидации организации. Я сообщил РАДЕКУ, что положение таково, что придется далеко идти, возможно и до полной ликвидации и я тут ничем не смогу помочь, так как я нахожусь под строгим контролем ЕЖОВА.

Вопрос: Чем объяснить этот визит РАДЕКА к вам. Разве вы были связаны с ним ранее?

Ответ: Нет. Личных связей с РАДЕКОМ у меня не было, роль его в троцкистской организации мне, конечно, была известна, но меня удивило откуда РАДЕК знает о моей роли. Мое недоумение рассеял сам РАДЕК, заявив, что он пришел ко мне от БУХАРИНА.

Вопрос: Что же вам сказал РАДЕК о своих связях с немцами?

Ответ: Он сказал мне, что ситуация сейчас такова, что нужно ориентироваться на немцев и что он лично связан с немецкими правительственными кругами. При этом он даже назвал мне некоторые фамилии лиц, с которыми он связан.

Вопрос: Каких он вам назвал лиц?

Ответ: Сейчас не помню этих фамилий.

Вопрос: А для чего вам РАДЕК это говорил?

Ответ: Сказать по правде, я сам этого не понял, но у меня создалось впечатление, что РАДЕК хотел этим подчеркнуть насколько важно сохранение его лично, поскольку в его руках были связи с

- 29 -

немецкими правительственными кругами. Это мое впечатление подкрепилось еще и тем, что РАДЕК, уходя от меня, заявил, что, если мне понадобится его помощь, то он всегда готов к услугам. На этом беседа закончилась.

Вопрос: Только этим и ограничилась ваша беседа с РАДЕКОМ?

Ответ: Да. Только этим. Это был короткий разговор, потому что в тот момент сама по себе встреча моя с РАДЕКОМ была чревата возможностями провала для меня.

Вопрос: Все же неясно, как конкретно вы мыслили осуществление варианта заговора на случай войны и в связи с немцами?

Ответ: Конкретно разработанного плана у меня не было, но я предполагал при этом варианте войти в сношения с германскими правительственными кругами, которые оказали бы непосредственную помощь в осуществлении заговора. Лично с немцами я связаться не успел, так как в сентябре 1936 года я был отстранен от работы в Народном Комиссариате Внутренних Дел.

Вопрос: С уходом из НКВД ваша предательская, изменническая деятельность не прекратилась. Вы продолжали активно руководить заговором и принимали меры к сокрытию следов ваших преступлений в НКВД.

Ответ: Да, это так. Уход мой из НКВД явился для меня и моих сообщников неожиданностью. Появилась реальная опасность раскрытия всех моих преступлений, тем более, что Наркомом был назначен ЕЖОВ - человек, которого я все время боялся.

Обстановка складывалась для меня крайне неблагоприятно. Поздно было говорить и даже думать об отказе от заговора, слишком далеко я зашел. Я предвидел еще и то, что авторитет, власть и влияние, т.е. все то, чем я сдерживал замкнутый круг преступников от провала, после снятия меня с поста Наркома Внутренних Дел, быстро исчезнет. Провал был весьма реален. Ко мне растерянно приходили мои сообщники и спрашивали: "что делать, как быть". Я говорил им: "оставайтесь на местах, вы мне здесь нужны будете".

Все мои мысли были направлены на то, как бы спасти свою шкуру. Мои люди оставались в НКВД. Спасением явился бы мой возврат в НКВД. Это при ЕЖОВЕ было невозможно. Я просил об оставлении меня в системе НКВД на любой работе, но мне отказано было. Рассчитывать на то, что следы моих преступлений будут сокрыты, я не мог. И я решил убрать ЕЖОВА, убить его.

Вопрос: И вы стали готовить убийство?

Ответ: Да.

Вопрос: Убийство секретаря ЦК ВКП(б) - Народного Комиссара Внутренних Дел Союзов тов. ЕЖОВА, Николая Ивановича!?

Ответ: Да, я пошел на это. У меня другого выхода не было. Я рассчитывал, что, убив ЕЖОВА, я, если не добьюсь возврата меня в НКВД, то обеспечу себя от провала.

Вопрос: Как же вы готовили это чудовищное преступление?

- 31 -

Ответ: Я вел подготовку убийства ЕЖОВА по двум параллельным линиям. Я дал задание ВОЛОВИЧУ подготовить террористический акт и такое же задание дал ИВАНОВУ Л.

Вопрос: Когда вы дали им эти задания?

Ответ: ВОЛОВИЧУ я дал задание в последних числах сентября 1936 г. перед отъездом моим в отпуск. Разговор у нас произошел в моем служебном кабинете в НКВД, в тот день, когда ВОЛОВИЧ, по моему распоряжению, снимал у меня подслушивающую аппаратуру у телефонов.

Я сказал ВОЛОВИЧУ: "продумайте возможности убрать ЕЖОВА, свяжитесь для этого с ПРОКОФЬЕВЫМ, так как я уезжаю в отпуск". Он ответил, что займется этим.

ИВАНОВУ я, после своего возвращения из отпуска, сказал тоже самое, что и ВОЛОВИЧУ, т.е. , что ЕЖОВА нужно убрать. Разговор происходил в моем служебном кабинете в Наркомсвязи. ИВАНОВ дал свое согласие. Я предложил ему связаться с БУЛАНОВЫМ и моим курьером САВАЛАЙШЕНОМ, которого я считал возможным использовать для теракта, так как этот человек, около 20 лет у меня прослуживший, был безгранично мне предан и слепо выполнял любое мое поручение.

ИВАНОВ тогда же предложил использовать для теракта способ отравления кабинета ЕЖОВА сильно-действующим ядом. Он сказал, что у него имеется такой яд, очень удобный для отравления кабинета, так как запаха не имеет, действует медленно, но смертельно, не оставляя следов отравления. Я одобрил этот способ, потому, что он был наиболее безопасен с точки зрения возможности провала.

Вопрос: Вам докладывали о ходе подготовки террористического акта?

Ответ: Да.

Вопрос: Как шла эта подготовка, кто намечен был в исполнители теракта?

Ответ: После приезда из отпуска, я получил от ПРОКОФЬЕВА информацию о ходе выполнения моего задания ВОЛОВИЧЕМ. ПРОКОФЬЕВ мне рассказал, что ВОЛОВИЧ обрабатывает какого-то родственника Н.И. ЕЖОВА и намерен склонить его к убийству ЕЖОВА. Я одобрил эту кандидатуру, так как она придавала бы убийству личный, семейный характер.

Вопрос: А ИВАНОВ вам докладывал, как у него идет подготовка террористического акта?

Ответ: Я как-то спросил его, как идет подготовка. Он ответил, что все в порядке, связь с БУЛАНОВЫМ и САВАЛАЙНЕНОМ он поддерживает, и они там работают.

Протокол записан с моих слов верно, мною прочитан. Г.ЯГОДА.

ДОПРОСИЛИ:

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР -
НАЧАЛЬНИК 1-го ОТДЕЛА ГУГБ -
КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА:

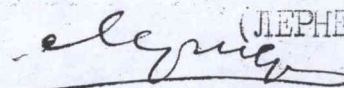
(КУРСКИЙ)

ПОМ. НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ 4 ОТДЕЛА ГУГБ -
КАПИТАН ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ:

(КОГАН)

В е р н о:

ОПЕРУПолномочен. 4 ОТДЕЛА ГУГБ:

 (ЛЕРНЕР)